

Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика / Сост., вступит, статья и коммент. А. С. Курилова. - М.: Современник, 1981. (Б-ка "Любителям российской словесности").

OCR Бычков М.Н. mailto:bmnn@lib.ru

Сорок три года тому назад такими, между прочим, стихами проводил Пушкина в могилу один из лучших и умнейших наших поэтов, Тютчев:

Тебя как первую любовь
России сердце не забудет... {1}

Это не общее место. Это верно схваченная, и с т о р и ч е с к а я, выдающаяся черта отношений к Пушкину русского общества. В самом деле, наша связь с ним не какая-либо рассудочная, на отвлеченной оценке основанная, а сердечная. теплая, живая связь любви и до сих пор. Такой связи не было и нет у русского общества ни с одним поэтом. Одним ли художественным достоинством и значением Пушкина в искусстве в о о б щ е может быть объяснена такая живость и прочность сочувствия? Не таятся ли причины этого явления еще в чем-либо другом: в его историческом для нас значении, в самих п с и х и ч е с к и х свойствах его художественной природы, в той народной стихии, наконец, которой вся обвеяна и согрета его поэзия?

Пушкин не только наша неизменная любовь, но еще и п е р в а я любовь. На заре нашего народного самосознания русское общество в нем впервые познало, говоря его же стихом, тот "первый пламень упоенья", который оставляет неизгладимый след в благодарной памяти сердца. А память сердца в жизни исторического народа не исчерпывается сроком нескольких поколений. Таково свойство высоких созданий вполне искреннего искусства, что они на вечные времена запечатлеваются духом истины, духом жизни, давшим им бытие. Таково свойство и созданий Пушкина. На их художественной вековой прелести лежит еще и неотъемлемая, вечная же и с т о р и ч е с к а я печать весны и ее свежести, какой-то новоявленной радости, первого озарения русских сердец светом неложного русского искусства.

Отчего же "неложного"? Отчего, говоря о Пушкине как о поэте, мы все, без различия, сознательно и невольно, прибавляем эпитет: "истинно русский", "истинно народный"? Зачем нужна эта оговорка? В чем именно смысл той исторической минуты, печать которой легла на его творениях?..

Есть такие счастливые на земле страны, где совершенно праздны, да и немислимы, вопросы: народен или ненароден такой-то поэт или писатель?! где нет погони за "народностью", где народность есть именно та самая стихия, которой о б р а з о в а н н ы й, органически правильно сложившийся слой народа (т о е с т ь - общество) естественно живет, движется и творит, - которая, другими словами, проявляет себя свободно и разнообразно в личной сознательной деятельности народных единиц: и в искусстве, и в науке, и в жизни!.. В тех счастливых странах народность в литературе познается не по внешним приметам, не по употреблению только, например, простонародного говора, не по выбору содержания из простонародного быта, не по тому, наконец, доступна ли книга разумению каждого, знающего грамоту, крестьянина. Без сомнения, гётевского Фауста или идеалов Шиллера с Пигмалионом {2}, лобызавшим мрамор, не поймет даже и немецкий, не обучавшийся в гимназии пахарь; но кто же когда-либо решался или решится утверждать, что Гёте и Шиллер поэты не национальные? Разве их великие творения не заклеены насквозь печатью германского н а р о д н о г о духа, подобно тому как творения Шекспира - духа британского? Этого мало: разве не германский народный дух сказался в германской философии, в таких силачах абстрактной логической мысли, как Кант или Гегель? И с другой стороны, разве эта печать сколько-нибудь мешает им при этом иметь значение м и р о в о е? Напротив: только потому, что на их творениях лежит п е ч а т ь д а р о в и н а р о д н о г о д у х а, могли эти великие поэты и мыслители явить миру новые стороны духа общечеловеческого, обогатить такими многоценнымикладами сокровищницу общечеловеческого сознания. Кажется, это ясно, и было бы даже совестно толковать такую простую до пошлости истину, если б даже и в наши дни не возникали порою какие-то странные недоразумения по вопросу о народности...